

Настольный театр «Поднесение к Рождеству» в Эрмитаже рассказывает Ольга Лузина

КАЖДЫЙ ГОД под Рождество Эрмитаж показывает выставку изделий, произведенных на Императорском (бывшем Ломоносовском) фарфоровом заводе, а теперь хранящихся в музее, — то угловатые супрематические чашки, то изящные предметы с росписью кобальтом, то величественные геральдические сервизы. В этом году «поднесение» танцевальное — экспозиция посвящена столетнему юбилею театральной антрепризы Сергея Дягилева и названа «Эхо Русских сезонов». Дягилевские балеты потрясли Европу долгожданным слиянием музыки, живописи и хореографии, естественностью и эрогизмом танца, фантастическими костюмами и декорациями, стилизованными под старину и Восток. Париж оставался под чарами «Русских сезонов» еще двадцать лет, их праздничная и экзотическая атмосфера оказала огромное влияние на западных художников, модельеров и мастеров декоративного искусства. Фарфор искусство прикладное, тесно связанное с жизнью и чувствительное к общественным потрясениям и увлечениям, поэтому дягилевский триумф балетных новаций и стилизаций стал для европейских скульпторов по фарфору крупным социальным заказом. Этой весной в Эрмитаже можно было увидеть великолепных гротескных арлекинов-пьеро-коломбин мастера Мейсенской фарфоровой мануфактуры Пауля Шойриха, созданных по мотивам балета-пантомимы Михаила Фокина «Карнавал», одной из берлинских постановок 1913 года.

Хотя в России дягилевское новаторство так и не увидели, отголоски европейского фурора дошли до отечественных художников, в частности, мастеров по фарфору. На Императорском фарфоровом заводе скульптор Серафим Судьбинин в 1913 году выполнил великолепные портреты Анны Павловой — Жизели и Тамары Карсавиной — Сильфиды; последний, где танцовщица стоит на одной ножке, на мгновение замерев в грациозном изгибе, стал одним из шедевров завода. В 1920 году другой мастер, Дмитрий Иванов, создал статуэтку Карсавиной в роли Жар-Птицы в одноименном балете — в отличие от статуэтки Судьбинина, где из бисквита (матового фарфора) вылеплена сложнейшая форма, настолько выразительная, что не нуждается в красках, в работе Иванова поза статична, руки скрещены на груди, и мастеру требуется богатая яркая роспись и позолота, чтобы передать изящество танца. К образу знаменитой балерины заводские скульпторы обращались и впоследствии — представлена еще одна Карсавина, тоже в роли Жар-птицы (1988), ра-

Д.И. Иванов.
«Балерина Т. Карсавина в роли „Жар-птицы“ в балете „Жар-птица“, 1920-е

боты Эльвиры Еропкиной, с волнообразным движением руками и росписью в виде павлиньего пера, покрывающей только часть фигурки, чтобы тонкий узор заиграл на белой поверхности. Все эти вещи выставляются.

В октябре Эрмитаж уже отмечал юбилей «Русских сезонов» экспозицией, где напрямую о театральном триумфе говорили только эскизы костюмов, но вокруг были собраны самые танцевальные вещи в коллекции музея, отражающие знаменитое дягилевское «балет это живопись движений», от нарочито безэмоциональных балерин Дега и кабарежных крив-

К.А. Сомов. «Влюбленные», 1905

С.В. Чехонин. Блюдо с изображением птиц-дев Сиринов, 1925

С.Н. Судьбинин.
«Балерина Т. Карсавина», 1930-е (модель 1913 года)

Э.Е. Еропкина.
«Жар-птица», 1988

**ВЫСТАВКЕ ВАЖНА НЕ БУКВА, А ДУХ
ТАНЦА И ТЕАТРАЛЬНОСТИ, КОТОРЫЕ
ОПРЕДЕЛЯЛИ ОБЛИК
КУЛЬТУРЫ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ**

ляк Тулуз-Лотрека до танцев с бандерильями Матисса и отплясывающего шагаловского Чичикова. У выставки фарфора концепция та же — важна не буква, а дух танца и театральности, которые определяли облик культуры на рубеже веков, когда не только искусство, но сама жизнь казалась декорацией. Поэтому в экспозицию включены ранние скульптуры романтика и символиста Константина Сомова, одного из наиболее ярких мирискусников, в том числе характерные для всего его творчества «Дама с маской» и «Влюбленные» 1906 года. У Сомова даже любовь оказывается наигранной и холодной, хотя и весь-

ма бурной в своих проявлениях. От напыщенной экспрессии и вычурной декоративности этих вещей тянется ниточка к «Русским сезонам», не случайно «Влюбленные» похожи на персонажей Шойриха, созданных по следам балетов. Включены в экспозицию вазы, блюда, скульптуры и более позднего времени, где ощущается та же сказочность, театральность и кружевание танца. В этих небольших вещах хорошо видно, как балет из почти священнодейственного набора гармоничных движений трансформировался в оду свободе и энергии тела.

Эрмитаж, с 25 декабря до 28 марта